

Научная статья

УДК 398.3+392.51

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9344

Дом и представления о нем в русских свадебных приговорах

Ю. А. Крашенинникова

*Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
(г. Сыктывкар, Российская Федерация)*

e-mail: krashennikova@rambler.ru

Аннотация. В работе, базой для которой послужили опубликованные и архивные материалы XIX — начала XXI вв., рассматривается перечень номинаций дома, художественно-поэтические средства и приемы, используемые для описания дома жениха и невесты. Описание жилищ молодоженов формируется посредством изображения трех макролокусов: придомовой территории, или подворья; зоны, связывающей подворье с внутренним пространством жилища (крыльцо, двери, порог) и внутреннего пространства, изображение которого формируется посредством последовательного называния наиболее значимых с точки зрения ритуала локусов (красный угол, куть, печь и др.). Описание внешнего вида дома как жениха, так и невесты чаще всего производится с помощью одних и тех же художественно-поэтических средств группы «дом». Представления о доме невесты как «чужом» для партии жениха пространстве проявляются в приговорах, комментирующих подъем по крыльцу, открывание дверей, переход через порог и вход внутрь. По мере продвижения и освоения дружкой придомовой территории отношение к дому как «чужому» нарастает, достигает своей критической точки в момент перехода через порог и после входа в дом уменьшается. В приговорах, комментирующих переход через порог, обнаруживается динамика развития образа дружки. Вход дружки в дом трактуется как ситуация пересечения рубежа: проникновение в «чужое» пространство сопровождается ухудшением зрения, появлением хромоты, немоты, получения метки, потерей деталей одежды и обуви, отдачей материальных ценностей. По мере освоения «чужого» пространства и перекодировки его в «свое» временное физическое недомогание дружки проходит. При описании дома и придомового пространства в записях разных локальных традиций регулярно, но с различной детализацией изображаются *двор, лестница, ступени, крыльцо, порог*; в спектре характеристик частотны эпитеты *широкий, новый*. Еще одной особенностью текстов с изображением дома является наличие в них большого количества деминутивов.

Ключевые слова: свадебный обряд, приговоры свадебных дружек, фольклорная картина мира, представления о доме, словарь жанра

Для цитирования: Крашенинникова Ю. А. Дом и представления о нем в русских свадебных приговорах // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 7–34. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9344

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9344

A House and Notions of It in Russian Folk Wedding Speeches

Yulia A. Krasheninnikova

*Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center
of the Russian Academy of Sciences
(Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation)*

e-mail: krasheninnikova@rambler.ru

Abstract. In this work, a list of the house nominations, stylistic and poetic means and techniques used to describe the groom's and bride's houses are considered based on published and archival materials of the 19th — early 21st centuries. The description of the newlyweds' houses is formed by depicting three macrolocuses: the adjacent territory, or courtyard; the zone connecting the courtyard with the interior of the dwelling (porch, door, threshold) and the interior of the house, the image of which is formed by sequentially naming the loci that are most significant from the ritual viewpoint (place of honor, wide bench, furnace, etc.). The houses of both the groom and the bride are described using the very same poetic means of the 'house' semantic group. The concept of the bride's house as a "strange" space for the groom's party is manifested in speeches related to climbing the porch, opening doors, crossing the threshold and entrance. As the groomsman progresses and claims the house territory, the sense of the house as "strange" intensifies, reaches a critical point at the moment of crossing the threshold and declines after the entrance to the house. The dynamics of the groomsman's image is revealed in speeches emphasizing the crossing of the threshold. The entrance of the best man to the house is interpreted as a case of crossing the boundary: penetration of the "strange" space is accompanied by a deterioration in vision, the onset of limpness and muteness, being marked, losing clothes or shoes, and giving away material values (money). As he claims the "strange" space and transcodes it into "own space," the temporary physical indisposition of the groomsman passes. The *courtyard, staircase, steps, porch, and threshold* are regularly depicted in the descriptions of houses and adjacent territory. The most frequent epithets are *wide* and *new*. Numerous diminutives are another feature of the texts that describe the house.

Keywords: wedding ritual, speeches of wedding groomsman, folklore image of the world, concepts of house, genre vocabulary

For citation: Krashennnikova Yu. A. A House and Notions of It in Russian Folk Wedding Speeches. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 7–34. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9344 (In Russ.)

Настоящая работа посвящена проблеме описания дома — одного из ключевых символов традиционной культуры, т. е. фрагментов мифопоэтической картины мира, реализующихся в конкретных фольклорных жанрах. В статье анализируются представления о доме, которые нашли поэтическое воплощение в русских свадебных приговорах — жанре свадебного обряда. Приговоры описывают преимущественно мужскую сторону ритуала (действия, эмоциональные переживания, «портреты» участников). Однако поскольку дружка комментирует обряд с момента сбора жениха в его доме до первой брачной ночи (в ряде локальных традиций активна роль дружки во второй день свадьбы, а иногда она даже выходит за рамки собственно обряда), включая перемещения свадебного поезда, действия участников свадьбы в доме невесты до венца и доме жениха до и после венца, в жанре приговоров получают развитие многие сюжеты, связанные и с женской линией ритуала.

В работе используются опубликованные и архивные записи фольклорных текстов, сделанные в XIX — начале XXI в. на территории Русского Севера, центральной России, Поволжья, Сибири. Обращение к материалам разных локальных традиций, с одной стороны, позволяет выявить перечень параметров, по которым формируется описание дома в жанре приговоров, с другой — показывает региональные и локальные различия в выборе стилистического репертуара. Все это в конечном счете выводит на проблему составления словаря¹ лексем, обозначающих собственно дом и конструктивные элементы внешнего и внутреннего пространства, — список номинаций с доминантным и периферийным значениями, а также репертуар поэтических средств одного фольклорного жанра.

Как и многие другие фрагменты мифопоэтической картины мира, представления о доме формируются набором признаков,

анализ конкретных реализаций которых в различных фольклорных жанрах «способствует установлению парадигматики различительных признаков, <...> а также позволяет поэлементно соотнести систему представлений, свойственную одному жанру, с представлениями, релевантными иным жанровым структурам» [Невская: 106].

В русских свадебных приговорах описание дома (как жениха, так и невесты) формируется посредством изображения прилегающего к нему пространства (придомовая территория, или подворье), зоны, связывающей подворье с внутренним пространством жилища (крыльцо, двери, порог) и собственно внутреннего пространства дома, при описании которого упоминаются или изображаются наиболее значимые с точки зрения ритуала локусы (передний угол, женский угол, печь, полати, и проч.).

В приговорах придомовая территория невесты и жениха — **подворье**² — практически повсеместно называется *широкий двор*: [у невесты] «Благословите нам въехать на широкий двор...» (Шейн: 730), [у жениха] «Благословите меня <...> на широкий двор сойти» (Киреевский: 78) и мн. др. В числе единичных отметим сочетание *боярский двор* (Зеленин: 28). Регулярно в описании подворья дома невесты встречается упоминание о наличии на его территории одного или нескольких *дубовых / точеных столбов с золотым* (вар.: *золоченым, злаченым*) *кольцом* для привязывания лошадей: «Есть ли широкой двор, середь широкова двора дубовой столб, у дубова столба золотое кольцо?» (Гладких: 59), «У нового свата / Столбики-то точены, / Колесики золочены...» (СыктГУ: 3162-26, Нагорский р-н Кировской обл., 1998 г.) и мн. др.

Вход на подворье осуществляется через **ворота**, характеристика которых формируется из эпитетов, указывающих на качество материала (*сосновые, дубовые, кленовые*), способ изготовления или оформления (*тесовые, решетчатые, крашенные, (с)колоченые*), размер (*широкие*), конструктивные особенности (*створчатые*), имплицитно подчеркивается ценность, крепость, надежность (*золоченые, хрустальны, чугунные*). Самым частотным эпитетом является *широкие*, дважды употребляются *решетчатые, колоченые, золоченые, дубовые*;

остальные отмечены по одному разу. В ряде текстов упоминаются конструктивные детали ворот: *вереи*³ *точеные* (ед. вар.: *стоячие, гранячие*), *подворотни*⁴ / *подворотенки дубовые* (вар.: *позолоченные, стеклянчатая, хрустальная, кленовая, сосновые*), *запоры булатные* (ед. вар.: *железные, кленовы, дубовы*), *замки висячие* (вар.: *булатны, турецкие, немецкие, дорогие, золотые*), *скобы булатные* (вар.: *полуженные, хрустальные, медные, серебряная, золоченая, белого железа немецкого*), *крюки укладны* (вар.: *серебряные, железные*), *петли ветляные*, например: [у невесты] «Золотые ключики выносили, / Висячие замочки отпирали, / Кленовые ворота отворяли, / Позолочену подворотенку вынимали...» (РГО, р. 10, оп. 1, ед. хр. 50, л. 8, Вятская губ., 1893 г.), [у невесты] «воротечки решетчатые растворял, подворотенку стеклянчатую вынимал, на широкий двор въезжал» (РГО, р. 18, оп. 1, ед. хр. 19, с. 4, Нерехтский у. Костромской губ., 1853 г.) и др.

Вариативность качественных характеристик элемента «ворота» весьма высока, перечень дополнительных конструктивных деталей пространен — совокупно все это делает локатив заметной и выразительной точкой при описании первого макролокуса. Собственно на фоне лаконичных и единообразных зарисовок подворья этот элемент становится значимым в изображении прилегающего к дому пространства и воспринимается как первое препятствие на пути к невесте.

Дом номинируется в текстах приговоров одинаково независимо от принадлежности его роду жениха или невесты. В текстах регулярны сочетания *благодатный дом, высокий терем*, в числе единичных, по большей части использующихся для характеристики дома невесты, зафиксированы *белые каменные палаты, бела изба, теплый дом, терем златоверхий, хоромы теплые, тепло гренье, новый дом, хоромина присветлая, белая* (вар.: *деревянная*) *горница, широкий терем*. Образ дома может формироваться с помощью нескольких сочетаний: «новая горенка, светлая светлица», «новая светлая светлица, новая горница», «светлая гридня, благодатный дом», «светлая светлица, белая столовая горница» и др.

В вятско-вологодских записях получает распространение формульное описание дома невесты, в основе которого лежит

сравнение деревни или двора с городом, дома невесты — с теремом: «деревня как город, дом как терем»⁵. Посредством этой формулы и некоторых номинаций (например, *хоромина*⁶, *терем*⁷) дом невесты предстает как жилое строение большого размера, а художественно-стилистические средства дополняют основное значение семами достатка, состоятельности, обитаемости. Эпитеты *светлый*, *белый*, *теплый* подчеркивают такие свойства дома как обжитость, пригодность для проживания; в этом приговорные изображения дома противопоставляются описаниям дома-гроба, разработанным, в частности, в похоронных причитаниях (в которых он *темный*, *холодный*, *изолированный* и проч. [Невская: 108]). Значение достатка, состоятельности имеют сочетания *терема златоверхие*⁸, *благодатный*⁹ дом.

Вместе с тем в описаниях появляются отдельные детали, которые указывают, что дружка попадает в «не свое» пространство: гиперболизированный размер дома, который сравнивается с городом («Дом стоит как город, а изба как терем» (СыктГУ: 0401-11, Вилегодский р-н Архангельской обл., 1988 г.)), наличие большого количества комнат как признак чрезмерного достатка («терема златоверхие, светлицы-горницы, хоромы теплые» (Колобов, 60)), «фантастическое» свечение внутри дома и погасшая печь, покрытая снегом и обдуваемая ветром:

«Вошел я в новую светлицу,
Во всех углах светится.
В печке ветер поведает,
Сугробы надувает...» (Ушаков, 1907: 69).

При описании дома невесты и отдельных его элементов обращает на себя внимание регулярность эпитета *новый* (*широкий новый двор*, *высок нов терем*, *новые сени*, *новая горница*, *нова светла светлица* и др.). Подобные номинации указывают на корреляцию входа дружки в дом невесты с обрядом перехода в новый дом, при котором вход осуществлялся, как правило, «по старшинству»: первый вошедший в новый дом человек снимает противопоставление своего — чужому, освоенного — неосвоенному, делая пространство освоенным

за счет того, что сам должен умереть (см. об этом: [Байбу-рин: 133]). В приговорах, как увидим ниже, вход в дом невесты для дружки представляет собой опасное, влекущее матери-альный и физический ущерб действие, что выражается в опи-сании потери дружкой денег, зрения, голоса, слуха и проч.

Лестница, ступени, крыльцо — регламентированный вход в дом. Описание ведущей на крыльцо лестницы реализуется в нескольких вариантах. В первом лестница, ступени пере-числяются в общем списке объектов, которые встречаются дружке на пути к невесте. По большей части используются эпитеты, уточняющие качество материалов, способ изготов-ления или конструктивные особенности: лесенка (вар.: лесен-ки) **частая, ступенчатая, брусчатая**¹⁰, кленовая, тесовая, крутая, калиновая, дубова, решетчатая, точена. В изображе-нии ступеней (**частые, крутые, редкие, кленовые, мелкие**) выделяются единичные эпитеты *золочены, княженецкие*, первый из которых наделен значением *богатый, дорогой*, с по-мощью второго подчеркивается предназначение — вход для жениха. В текстах встречаются названия конструктивных элементов лестницы — *перильца рессорные* (вар.: *перилечка точеные*), *приступочки*¹¹ *кленовы* (вар.: *брусовые*), *балясинки*¹² *точены, борондучки*¹³ *рубленные, поворенки*¹⁴ *золочены*: «[у] на-шего сватушка, нашего батюшка, лесенка дубова, приступоч-ки кленовы, балясинки точоны» (РГАЛИ, ф. 342, оп. 2, ед. хр. 78, л. 81 об.; Костромской у. Костромской губ., 1902 г.), «Есть ли у этой княгини молодой новобрачной борондучки рубле-ные, крылечка дубовые, лесенки кленовые, перилечка точеные, поворенки золочены?» (ГАВО, ф. 4389, оп. 1, д. 401, л. 3 об., Вологодская губ., нач. XX в.).

В числе редких отметим запись 1988 г. из Вилегодского района Архангельской области, в которой описание преодо-ления дружкой «деревянной», «оловянной», «серебряной» ступеней отсылает к сказочному мотиву путешествия героя в иной мир через три царства:

«На перву лесенку ступаю деревянну,
На вторую — оловянную,
На третью — серебряную,
Выхожу на крутое крыльцо...» (СыктГУ: 0481–77).

Тексты второго варианта получили распространение в отдельных уездах Пермской, Вологодской губерний, также в записях, сделанных на граничащих друг с другом территориях Лузского района Кировской области, Вилегодского района Архангельской области и Прилузского района Республики Коми. Тексты повествуют о пошаговом продвижении дружки («рассерженного князя», «спесивой, гордой свахи») по ступеням и о получении или отдаче выкупа за каждую ступень. В текстах ступени представляют собой препятствие, преодоление которого почти всегда связано с потерей или для рода жениха, или для рода невесты: «Наша сваха спесива, горда, ростом повыше, умом подороже, на первую ступень [ступит] — 100 ру[блей] платит, на вторую ступень ступит — 200 ру[блей] платит, на третью ступень ступит — вашему дому не будет подъему» (РГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, ед. хр. 39, л. 87 об. — 88, Архангельская обл.)¹⁵.

В локальной традиции Костромского уезда Костромской губернии описание лестницы дополняется деталями технологического процесса ее изготовления — весьма редкое описание отдаленно напоминает тексты *vita herbae / rei*, наделенные магическим продуцирующим значением (сюжет «житие растений и предметов» об изготовлении полотна, хлеба и проч., см.: [Толстой], [Толстая]):

«Подхожу я, друженька,
 К балясинкам точеным,
 К воротечкам сколоченым,
 Ко лесенке тесовой,
 К приступочкам брусовым.
 На свою пору-время припасли:
*Лесенка пилой пилилась,
 Вострым топориком рубилась,
 Ручки делали,
 Ножки бегали*» (Виноградов: 98).

Крыльцо в приговорах **красивое, красное, белодубовое, дубовое, высокое, парадное, крутое, крытое**; зачастую описывается сочетанием нескольких эпитетов, например «прекрасное, красивое, красное крылечко», «крутое красное крыльцо». Однако самым регулярным для приговоров является сочетание

калинов мост, во многих фольклорных текстах символизирующее рубеж, переход между своим и чужим миром¹⁶. В единичных текстах упоминаются отдельные конструктивные детали крыльца: «Вхожу я, друженька, на калинов мост, / Мостовиночки калиновы, перекладчики рябиновы...» (ГАКО, ф. 179, оп. 2, д. 69, л. 131, Костромской у. Костромской губ., до 1903 г.).

В приговорах подчеркивается ненадежность, шаткость крыльца: «...шел по лесенке по брусчатой и по калиновому мостику; калинов мостик подгибается, мое сердце не пугается...» (*Киреевский*, 79); «Шел я по калиновому мостику: / Мостик гнется, / Дружка все вперед подается...» (СыктГУ: 1803-8, Мурашинский р-н Кировской обл., 1990 г.); «Как пошел дружка по мостику, а мостик подгибается, а дружка все ближе подвигается...» (*Мыльникова, Цинциус*: 100). Нахождение дружки на крыльце сопряжено с определенным риском и опасностью и представлено как испытание, что подчеркивается описанием его физического состояния. Тема замерзания дружки в дороге дублируется при изображении входа этого персонажа в дом невесты, ср.:

[описание пути-дороги]

«Ехал, поехал...

Буйным ветром поддувало,

Меня морозом подтыкало.

Глаза слипались,

Губы смерзались...» (*Ордин*: 91).

[дружка стоит на крыльце]

«...На белодубовом крыльечке

стоял,

Весь я озяб, весь перезяб...»

(*Ордин*: 97-98).

Долгое нахождение на крыльце дома, передвижение дружки вверх-вниз по крыльцу является следствием его неправильных ответов на вопросы представителя невесты и маркируется как наказание. Информанты отмечают, что дружки могут стоять на крыльце по два часа, попеременно поднимаясь до верхней ступени и спускаясь до нижней ступени крыльца. Ср.: в записях из Енисейской губернии тема переменного успеха в продвижении воплощается в приговорах при описании перемещения дружки внутри дома невесты:

«...Два шага вперед
 Дружка ступат,
 Шаг назад отступат,
 С ноги на ногу
 Княжой друженька ступат,
 Как белый горох рассыпается» (Ермолаев: 592).

В числе редких отметим записанный в Никольском уезде Вологодской губернии текст, в котором «на мостах на калиновых стоит Спас, Богородица» (Иваницкий: 486). Описание подъема на крыльцо и встречи на нем с чудесными помощниками отсылает к стилистике заговорно-заклинательных текстов, ср.: с описанием в заговорах пути героя к мифологическому центру и встречи с представителем сакрального пространства или, как пишет С. Г. Шиндин, «конечной инстанцией» — Богородицей и / или Христом [Шиндин: 121].

Двери дома невесты в момент приезда жениха, как правило, закрыты. Зачастую описание дверей дома невесты формируется теми же художественными средствами, что и локати́ва «ворота». Надежность, прочность, крепость дверей подчеркиваются с помощью эпитетов **дубовые**, **железные**, **медные** («Брал дружка храбрый / За скобу булатную, / Отворял дружка храбрый / Дверь дубовую...» (Логиновский: 66), «Вижу у вас двери медные, верей железные...» (Аргентов: 19)); размер — посредством эпитетов **широкие**, **узкие** («Беру я, княжой дружка, двери за скобы / И отворяю широкие двери на пяты» (Ермолаев: 587)). В числе единичных характеристик перечислим **притворные** (т. е. те, которые закрывают), **стеклянные**. При описании дверей могут упоминаться конструктивные детали: **скобы серебряные** (вар.: **булатные**, **хрустальные**, **медные**, **золоченые**), **верей железные**, **гвоздьё полуженное**, **замки булатны** (вар.: **золотые**), **дужки серебряные**, **крюки укладны** (вар.: **серебряны**, **железные**), **петли ветляные**, **иглочки**¹⁷ **кленовые**.

Непременными атрибутами ворот и дверей дома невесты являются металлические (золотые, серебряные, медные) детали, что, с одной стороны, указывает на материальный достаток рода невесты, а с другой — золото является маркером загробного мира, характеристикой чужого пространства [Пропп: 263–264].

Отметим записи из вилегодской локальной традиции, в которых дружка, находясь на крыльце дома невесты, просит ее представителя предоставить жениху вход в дом, соответствующий статусу последнего:

- «— Где нам поколотиться:
У крылешных дверей
Или у банных дверей,
Или у стайных дверей?
— У стайных дверей.
— Наш жених — не пастух,
Стайных дверей не знает.
— У банных дверей.
— Наш жених — не поивушка¹⁸,
Баннхх дверей не знает.
— У крыльца» (Крашенинникова: 91).

Для дружки важно, чтобы жениху предложили «крылечные двери». Вход через эти двери или встреча на крыльце маркирует жениха как почетного, ожидаемого гостя и подтверждает его статус. Отказ от нерегламентированного входа в дом (баннхх, стайнхх, извознхх двери) или извещение невесты о прибытии жениха через «кутнхх», «(под)порожнхх» окна дружка объясняет предназначением их для людей, обладающих иным социальным положением. Так, например, в ответной реплике дружки «[Князь] по поткутнхх¹⁹ окошкам не ходит, спасенхх²⁰ не собирает...» (Кузнецов: 27) отражено восприятие кутного окна как «канала» передачи милостыни нищим и как «женского» места в доме [Байбурин: 169]. Актуализация тем нищенства и распределения трудовых обязанностей между мужчиной и женщиной («[жених] по подокошечкам не ходит, девушек не смот[рит], не пряха, не тькаха, не нишей человек, из избы в избу с пряже[й] и за милостинима, за спасенькими не ходит» (РГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, ед. хр. 39, л. 88, Архангельская обл.)) объясняется особым статусом жениха и «обладания» им исключительно положительными качествами (ср.: круг значений нищенства как социального явления — бедность, ущербность, физическая неполноценность, обездоленность, безбрачие и проч. [Левкиевская]). Реплика дружки из Сольвычегодского уезда Вологодской губернии ((жених «мышёвыми

тропами не бегают, собачьим лазьём не лазит...», (Ордин: 90)) отсылает к заговорам «на остуду между мужем и женой» и отворотам в той их части, в которой описывается путь заговаривающего: он проходит «не дверьми, не воротами, а дымным окном да подвальным бревном» (Русские заговоры, 122, № 246), «из избы не дверьми, из двора не воротами, собачьими дырами, тороканьими тропами» (РГО, р. 1, оп. 1, ед. хр. 57, с. 75, Шенкурский у. Архангельской губ., 1887 г.).

При комментировании дружкой входа в дом в текстах с большей регулярностью начинают появляться детали, характеризующие состояние этого персонажа как лиминальное. Так, за дверь дружка берется «белой рукой»: «ко дверчкам приближаюсь и берусь я за скобку серебряную, своей белой рукой потягиваю, настезь дверечки растворяю...» (Киреевский: 79). Мотив «временной смерти» реализуется в приговоре с помощью детали одежды — при открывании дверей у дружки рвется пояс, что коррелирует с развязыванием пояса у покойников: «Дружка за скобу хватается, у дружки гашник²¹ расстегается; дружка гашник подвязывает, про беду свою не рассказывает...» (Мыльникова, Цинциус: 100).

Тема получения материального и физического ущерба усиливается в приговорах, комментирующих переход дружки через порог. В приговорах **порог** предстает как одно из самых трудных препятствий на пути жениха (дружки) к невесте. Действия дружки на пороге выражены с помощью формулы «скок через порог, насили ножки переволок», которая фиксируется в записях разных локальных традиций России с первой трети XIX в. до нач. XXI в. В некоторых записях формула получает продолжение описаниями, в которых уточняется высота порога (*крутой, высокий, высочайший*) и констатируются изменения физического состояния перешагивающего через него дружки. Из текстов следует, что дружка приобретает ряд физических, в большинстве своем временных недостатков, которые по мере продвижения к центру дома невесты, т.е. освоения «чужого» пространства и перекодирования его в «свое», проходят. Так, ноги у дружки *худые, короткие*, он *насили ноги волочет*, перешагивание через порог происходит с трудом, что передается наречными формами *едва, чуть-чуть*,

насилу. Переход через порог является следствием ухудшения общего физического состояния: «Дружка скок через порог, насилу ноги поволок, что, сватушка, за пол, все шел да мел, что за потолок, словно черным соболем поволок, как увидел ваш потолок, так и занемог, после этого, видите сами, что от этой хворости выбило все кости, одно мясо осталось» (РГО, р. 18, оп. 1, ед. хр. 19, с. 5, Нерехтский у. Костромской губ., 1853 г.). Дружка говорит об ухудшении зрения («глазки мутятся», «на глаз не зорок»), голоса, слуха («на ухо не чуток»), силы и проворности («на кулак не боек»), приобретения хромоты («на ногу не верток»); просит дать *гущицы* для лечения ног (Лугинин, Иорданский: 108) или *вина* для лечения прижатого языка («К вам бежал — язык прижал. / Нельзя ли его полечить, / Чем-нибудь помочить? / Как двери отворил, / Язык совсем не заговорил» (СыктГУ: 1804–67, Мурашинский р-н Кировской обл., 1990 г.)).

Проникновение в пространство невесты влечет за собой получение материального ущерба. Так, в сибирских текстах дружка высказывает опасение, что перейдя через порог и продвигаясь по дому, он может замочить ноги, испачкаться сажей:

«Идет дружка через порог,
Как ясен соколок.
Медленно подвигается к полатному брусу:
Нет ли копоты? —
Не замарать бы лопоты.
Нет ли воды? —
Не подмочить бы сапоги»

(Русский фольклор Сибири: 287).

Тема получения метки, марания сажей при переходе через порог отмечена в записях из Владимирской губернии: «Шаг дружка через порог! / С потолка всю сажу сволок» (Шейн: 670).

При переходе через порог дружка теряет обувь: «...случилось со мной несчастьецо, / Не большое да и не маленькое. / Веревочки у меня развязались, / Онучки мои порастрепались, / Лапотки у меня с ног поскидывались» (КГУ, Кологривской р-н Костромской обл., 1991 г.).

Характеристики отдельных элементов дома указывают на враждебность пространства, в которое попадает дружка.

Так, в записях, сделанных от русского населения Удмуртии, пол становится подвижным, стены имеют множество сучьев²²:

«Скок через порог,
 Чуть резвы ноженьки переволок,
 Упер дружка глаза в потолок.
 Пол кленовый, потолок дубовый,
 Брусья — одни сучья (*Татаринцев*: 53),
 А через ваш порог —
 Так я еле ноги переволок
 На пол-от ступил —
 Так пол-от гнетси и сгибается,
 В ваши хоромы сразу не пробраться»
 (*Болдырева, Толкачева*: 278).

В приговорах, записанных от русского населения Сибири, полатный брус²³ сравнивается с ракитовым кустом («Идет дружка под полатный брус, / Как под ракитов куст. / Идет дружка из-под полатного бруса, / Как из-под ракитова куста...» (*Русский фольклор Сибири*: 287)), т. е. ракитой, ивой, которая в народных представлениях амбивалентна, обладает разнонаправленными и противоречащими друг другу значениями [*Агапкина*: 297]. Под полатным брусом (под «ракитовым кустом») жених и невеста лишаются способности передвигаться: «Ракитов куст нагибается — / У нашего новобрашного князя / И новобрашной княгини / Резвья ножки подсекаются»²⁴ (*Ермолаев*: 588).

Описание внутреннего пространства дома жениха представлено в единичных записях. Изображение **внутреннего пространства дома невесты** в приговорах встречается чаще и разрабатывается более подробно. Художественные средства, которые используются при описании внутридомового пространства, позволяют судить о качестве материалов, способе изготовления тех или иных конструктивных деталей жилища. В доме невесты упоминаются пол **тесовый, дубовый, кленовый, лаковый, лощен, скобленный, кирпичный** или сделанный из сосновых, дубовых досок; потолок **дубовый, кленовый, хрустальный, высоченный, светленной, скоблен**; стены **золочены** (вар.: *стеночки кошечкаты*), **полать белодубова, колоды муравлены** и проч. Вместе с тем, в текстах появляются детали, которые

в традиционных представлениях имеют отрицательно-оценочное значение. Прежде всего, цветовые и звуковые характеристики. Так, брусья в доме невесты в сучьях, на полатах и в голбце раздаётся скрип: «...по лавочкам, по скамеечкам, голбцам скрипучим, полатам висячим...» (Лугинин, Иорданский: 111), «Сучья и брусья, полати скрипучи...» (Суслов: 3). При описании стен, пола, печи используется цвет золота, серебра: у невесты в доме *стены, столы золочены, «пол и середа из чистого серебра»* (Виноградов: 99). При описании потолка используется черный и белый цвета, в традиционных представлениях оба ассоциируются с трауром, смертью, болезнью: «Шагаю через порог — вижу сватов белый потолок...» (Ушаков, 1907: 61) и др.

Во внутреннем пространстве дома выделяется несколько значимых локусов; они, как правило, упоминаются в связи с использованием их как места локации того или иного персонажа, совершением определенных обрядовых действий и др. Так, названия локусов внутреннего и придомового пространства дома невесты служат для номинации чинов, выполняющих конкретные функции на свадьбе (у ворот находятся приворотнички, у дверей — придвернички, у брусков — забруснички, у матки — заматнички, у столов — застольнички, у сеней — присенники). Присутствующие на свадьбе гости именуются по местам, которые они занимают согласно своему статусу (сидящие в сутках, т.е. в красном углу, в кути, за печью, около порога): «гостеньки суточные, куточны, званы и незваны, запечина, подпорожина» (Крашенинникова: 66).

Значимыми являются **передний угол, окна, печь** и околопечное пространство.

Передний угол мыслится как центр дома, наделен эпитетами *княженецкое, княжее, повеленное, почтенное* место. В нем находятся *святые иконы, воскояровые свечи, свадебный стол*: «[Благословите] сись на брусчатую лавку, на полости [войлоки] пестрые, на ковры сорочинские, под светлые иконы, под свечи воскояровые, в княжее место, где княжее место Господь Бог повелел...» (*Свадебные обряды*: 43); «[Сажайте князя] В передний угол, / ... / Под святые образа, / Свечи воскояровые / На почтенное место / Где его на сей день Господень /

Бог почтил» (*Ордин*: 80–81). Получить приглашение сесть в передний угол является оказанием уважения, почета и подчеркивает статус гостя: «Ты, тысяцкий, сидишь в большом углу в доброй славе, как в куньей шубе...» (*Ефименко*: 83); «Дайте нашему жениху честь / Иметь передний угол / Со всем его поездом / И с нами, храбрыми дружками-молодцами» (СыктГУ: 0720-35, с. Несь Ненецкого автономного округа, 1989 г.).

Окна. Окно относится к элементам, регламентирующим связь внутреннего пространства дома с внешним миром [Байбурин: 159], символика окна определяется оппозицией внешнего — внутреннему, видимого — невидимому [Байбурин: 166], что отражено и в текстах приговоров. Так, через *среднее окошечко* представители невесты видят приближающийся к их дому свадебный поезд: «Станьте на скамеечку к среднему окошечку, посмотрите в окошечко: на вашем поле, на наших конях едет свадьба» (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 5, ед. хр. 104, л. 5, Нолинский у. Вятской губ., 1920-е гг.). Вятский дружка просит открыть *дымное окошко*, чтобы можно было увидеть приближающихся гостей (*Зеленин*: 30).

Сутное, кутное, подпорожное окна предлагаются представителем невесты жениху в качестве возможных входов в дом, но отвергаются дружкой, поскольку их предназначение не соответствует статусу жениха (об этом выше). В нескольких текстах в описании окон есть указание на материал, из которого они сделаны (*оконницы стекольчатые, стеклянные окошечки*) или на технологию изготовления — *кошецето окно* (*Гладких*: 59); *косяцаты-косяцатые окошечки*²⁵.

Под *кутнёе окошечко* уходит куний след, по которому поезжане следуют до дома невесты (*Ордин*: 90); появление в приговорах кутнего окна объясняется ритуалом: просватанная девушка в момент приезда жениха пребывает в женском месте избы — в кути. В текстах зафиксировано указание на регламентированное обрядом направление движения невесты к жениху в день свадьбы — из кути в красный угол (до *красного окошка*): «Из кути²⁶ до под-окошка²⁷ / И до краснова окошка²⁸» (РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 664, л. 11, Макарьевский у. Нижегородской губ., 1899 г.).

Середа²⁹ или **куть** — место нахождения невесты в момент приезда свадебного поезда («ехать добру молодцу ко тестову двору, ко тещину терему, к девичью кутничку...» (РНБ, Q XVII, №230, л. 40 об., Вологодская губ.)). Обязательный маркер местонахождения просватанной девушки — *занавес / занавесочка* («Наша-то невеста / В тереме сидела, / В куте за занавесой! / Под кутным окошечком» (Ивановский: 54)) — *шелковая, шитая*, белая, кленовая, полотняная, тонкая, берчатая (вар.: *бирчатые завесы, камчатные завесы*).

Ритуалом предписывается, что невеста в момент приезда жениха должна находиться в женской части избы, именно оттуда ее выводят к жениху. В вилегодских приговорах эта ситуация трактуется следующим образом:

«— А где молодая кнезина?
Ежели на середе — несу на переде,
Ежели на пече, то несу на плече.
Скажут:
— На середе» (Крашенинникова: 92).

Комментируя этот фрагмент, исполнительница отметила, что невеста, сидящая в момент приезда жениха на печи, считалась больной, испорченной. Нахождение невесты «на середе» интерпретируется в приговоре как проявление здоровья, готовности к свадьбе, сидение на печи, напротив, сигнализирует о физической немогущности, болезненности, нежелании замужества.

Печь (*кирпичная, кирпиччатая*). Один из значимых локусов внутреннего пространства дома, для невесты и ее рода является защищающим центром. Так, при описании входа в дом невесты дружка отмечает нахождение около или на печи невесты или ее родителей: «[дружка] ножкой топнул, дверью хлопнул, половнички гнутся, хозяйева к печке жмутся...» (Дерунов: 121); [обращается к сватье]: «Пожалуйте-ка сюда от печки кирпичные...» (Лысанов: 88). В вятских записях родители невесты в момент входа поезжан могут находиться на печи: «Наш сват, косые плечи, / Слезай с печи...» (СыктГУ: 2023-20, Лузский р-н Кировской обл., 1991 г.).

В приговорах актуализируются представления, что место около печи под полатями — это место колдуна (об этом сюжете подробно [Крашенинникова, 2018: 110–111]), на печь или полати дружка просит удалить зрителей свадьбы — стариков, старух, детей, что связано с его желанием дистанцировать жениха и невесту от нежелательных для молодоженов персонажей [Крашенинникова, 2006: 24–25]. В единичных записях упоминаются конструктивные детали печи — *напыльничек и кожух*. Напыльничек — перекладина над устьем черной печи для сушки дров (*Мыльникова, Цинциус: 113*): «Маленькие робята, косые заплаты, через напыльничек глядят, желты сопельки висят и те от дружки кроеного хотят» (*Мыльникова, Цинциус: 112–113*); кожух — выступ у печи: «Молодые молодичи, / Полежайте на печь, / Только на кожух не наваливайтесь, / С печи не упадите / Да что-нибудь там не покажите» (СыктГУ: 1814-6, Мурашинский р-н Кировской обл., 1990 г.).

Из предметов внутреннего убранства дома с большей или меньшей регулярностью встречаются **лавки, полати, полицы**³⁰. Так, положенные на лавки и полицы шапка и рукавицы подтверждают серьезность намерений прибывших за невестой: «Шапку и рукавицы кладу на полицу — / Отдайте мне молодичу!» (СыктГУ: 1811-18, Мурашинский р-н Кировской обл., 1990 г.), «Рукавичи на поличи — / Отдайте посуленную девичу!» (СыктГУ: 1813-40, там же). *Полати, полицы, грядки*³¹ (*дубовые, тесовые*) называются в качестве мест для хранения одежды поезжан: «В этом пиру, благодатном дому ес[ть] ли спички точенья висить плетки шелковыя? Ес[ть] ли полицы клас[т]ь шапки да рукавицы? Ес[ть] ли полати клас[т]ь шубы да халаты?» (ГАВО, ф. 4389, оп. 1, д. 401, л 6 об., Вологодская губ.), «Есть ли у вас спицы точеные, / Чтобы нам вешать кушачки золоченые? / Есть ли у вас полицы, / Чтобы нам класть шапки да рукавицы?» (АКФ МГУ: ФЭ–16:2756, Подосиновский р-н Кировской обл., 1988 г.).

В застольных приговорах *печь, подполье, брус, залавок, погреб* и др. называются в качестве мест хранения свадебного угощения:

«Что есть в пече,
Ташши на плече,
Что на залавке,

Ташши на салазках!»
(РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 440, л. 49, Сарапульский у.
Вятской губ., 1898 г.).

«Есть чего-нибудь в печи, тащи на плече.
Есть чего-нибудь в горнушке —
Вези на воронушке.
Есть чего-нибудь в подполье —
Тащи в приполье»
(АКФ МГУ: ФЭ-18:3285, Котельнический р-н
Кировской обл., 1992 г.).

Матица, несмотря на важную роль в обрядовой и повседневной жизни семьи [Байбурин: 171], упоминается в единичных записях. В частности, входя в дом невесты, вилегодский дружка произносил приговор с заклинательным элементом «Матица, не гнись, / Половица, не ломись, / Молодая княгиня, нас, резвых дружек, не утрашишь» (СыктГУ: 0481-77, Вилегодский р-н Архангельской об., 1988 г.).

Итак, в свадебных приговорах описание дома жениха и невесты формируется посредством изображения трех макролокусов: придомовой территории или подворья; зоны, связывающей подворье с внутренним пространством жилища (лестница, крыльцо, двери, порог) и собственно внутреннего пространства дома, изображение которого создается посредством последовательного включения в тексты описаний / упоминаний значимых с точки зрения ритуала локусов (передний угол, куть, печь, др.). Декларируемое в ритуале деление на «свое» / «чужое» пространство изначально в приговорах не выражено; для описания внешнего вида дома и жениха, и невесты используются по большей части одинаковые художественно-стилистические средства группы «дом».

Дом и внутридомовое пространство невесты изображаются в приговорах более детально. Представления об этом «чужом» для партии жениха пространстве проявляются в приговорах, комментирующих подъем по крыльцу, открывание дверей, переход через порог и вход внутрь. По мере продвижения и освоения дружкой домовой территории невесты отношение к дому как «чужому» постепенно нарастает, достигает своей критической точки в момент перехода через порог и после

входа в дом уменьшается: пространство приобретает черты «своего», и в этом разница между художественной системой приговоров и, например, похоронных причитаний.

Анализ текстов позволяет сделать некоторые выводы относительно значимых участков внешнего и внутреннего домового пространства: таковыми являются *двор, лестница, ступени, крыльцо, порог*. Описание *ворот и дверей* строится с помощью художественных средств, информирующих о качестве материала, способе изготовления или обработки материала, размере, конструктивных особенностях, ценности, крепости, надежности. Вариативность качественных характеристик обоих локативов весьма высока, перечень конструктивных деталей пространен, и это делает *ворота и двери* заметными, выразительными, значимыми объектами и позволяет говорить о них как о препятствиях на пути к невесте. Еще одним препятствием на пути дружки к невесте является *порог*, переход через который комментируется в записях многих локальных традиций. Преимущественно в этих приговорах обнаруживается динамика развития образа дружки. Вход этого персонажа в дом представлен в поэтических текстах как ситуация пересечения рубежа: проникновение в «чужое» пространство сопровождается ухудшением зрения, появлением хромоты, немоты, получением метки, потерей деталей одежды и обуви, отдачей материальных ценностей³². По мере освоения «чужого» пространства и перекодировки его в «свое» временное физическое недомогание дружки проходит.

Особенностью текстов, изображающих дом, является наличие большого количества деминутивов, используемых для номинации значимых мест дома и конструктивных деталей; это указывает на эмоционально-экспрессивную тональность речей свадебных дружек, однако избыточное использование деминутивов в приговорах задает более высокую «эмоциональную температуру текста» (терм. А. Вежицкой [Вежицкая: 55]). Самым частотным эпитетом является адъектив *широкий/-ие*, встречающийся в изображении практически всех значимых точек пространства дома невесты. При описании дома невесты и отдельных его элементов регулярен также эпитет *новый*.

Сокращения

АКФ МГУ — архив кафедры фольклора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;

ГАВО — государственный архив Вологодской области;

ГАКО — государственный архив Костромской области;

КГУ — архив фольклорно-краеведческой лаборатории Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова;

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства;

РГО — архив Русского географического общества;

РО ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

РАН, рукописный отдел;

РНБ — Российская национальная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей и редких книг;

РЭМ — архив Российского этнографического музея;

СыктГУ — фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина.

Источники

Аргентов — Аргентов Г. Наговоры дружки на свадьбе // Кунгурско-Красноуфимский край (краеведческий ежемесячник). Кунгур. 1925. Февраль. № 2. С. 17–19.

Болдырева, Толкачева — Болдырева В. Г., Толкачева С. В. Русская свадьба Среднего Прикамья. Ижевск: Шелест, 2018. 302 с.

Виноградов — Виноградов Н. Н. Народная свадьба в Костромском уезде // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. 1917. Вып. 8. С. 71–152.

Гладких — Гладких А. Н. Крестьянские свадебные обряды и проч. у жителей села Торговижского Красноуфимского уезда Пермской губ. // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1913. Вып. 10. С. 1–76.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1995.

Дерунов — Дерунов С. Я. Крестьянская свадьба в Пошехонском уезде // Труды Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль, 1869. Вып. 5. С. 101–133.

Ермолаев — Ермолаев А. Свадебные наговоры дружки в ангарской деревне // Сибирский архив: журнал археологии, истории и этнографии Сибири. Иркутск, 1912. № 8. С. 585–594.

Ефименко — Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Свадебные обряды // Труды Этнографического отдела Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Моск. ун-те. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1877. Кн. 5. Вып. 1. С. 74–132.

Ефремова — Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efremova.info> (01.03.2021).

Зеленин — Зеленин Д. К. Свадебные приговоры Вятской губернии / записал и снабдил коммент. Д. К. Зеленин. Вятка: Губ. тип., 1904. 39 с.

Иваницкий — Иваницкий Г. А. Приговоры дружки, когда он приедет за невестою // Москвитянин. Часть 6. № 12. 1841. С. 486–489.

Ивановский — Ивановский К. Свадебные обычаи в Городецко-Николаевском приходе Устюгского уезда (Этнографический очерк) // Вологодский сборник, издаваемый губернским статистическим комитетом под редакцией члена-секретаря комитета Ф. А. Арсеньева. Вологда, 1881. Т. 2. С. 45–61.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1911. Вып. 1. 346 с.

Колобов — Колобов И. В. Русская свадьба Олонецкой губернии, Пудожского уезда, Корбозерской волости // Живая старина. СПб., 1915. С. 21–90.

Крашенинникова — Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области в рукописной и устной традиции XX в. (исследование и тексты) / составление, вступ. ст., коммент. Ю. А. Крашенинниковой. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2009. 160 с.

Кузнецов — Свадебные приговоры дружки по рукописи половины 19 столетия / сообщ. А. Кузнецов // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1902. Т. 72. № 5. С. 8–58.

Логиновский — Логиновский К. К. Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья // Записки Приамурского отдела Имп. РГО. Хабаровск, 1899. Т. 5. Вып. 2. С. 1–94.

Лугинин, Иорданский — Лугинин В. Ф., Иорданский Н. Свадьба в Ветлужском крае // Этнографическое обозрение. 1896. Т. 31 (4). С. 107–113.

Лысанов — Лысанов В. Д. Досюльская свадьба. Песни, игры и танцы в Заонежье Олонецкой губ. Петрозаводск, 1916. 148 с.

Мыльникова, Цинциус — Мыльникова К., Цинциус В. Северно-Великорусская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1928. С. 17–171.

Ожегов — Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/167422> (01.03.2021).

Ордин — Ордин Н. Г. Свадьба в подгородних волостях Сольвычегодского уезда // Живая старина. 1896. Вып. 1. С. 51–121.

Русский фольклор Сибири — Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть / сост. Р. П. Потанина, Н. В. Леонова, Л. Е. Фетисова. Новосибирск: Наука, 2002. 551 с.

Русские заговоры — Русские заговоры / сост., предисл. и примеч. Н. И. Савушкиной. М.: Пресса, 1993. 368 с.

Русские крестьяне — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 3. Никольский и Сольвычегодский уезды. 684 с.

Свадебные обряды — Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. 1864. № 3. С. 15–17; № 7. С. 42–44.

Словарь архитектурных терминов — Словарь архитектурных терминов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.regent-decor.ru/lib/glossary/k/kosiashchatoewindow.html> (01.03.2021).

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1968. Вып. 3. 360 с.; СПб.: Наука, 1995. Вып. 29. 346 с.

Суслов — Суслов И. Из свадебных обрядов Малмыжского уезда // Вятские губернские ведомости. 1901. № 33. С. 2–3.

Татаринцев — Русский фольклор Удмуртии / сост., вступ. ст. А. Г. Татаринцева. Ижевск: Удмуртия, 1990. 367 с.

Ушаков — Крестьянская свадьба конца XIX века в Старицком уезде Тверской губернии (свадебные обряды, гадания, приговоры, причитания и песни) / собр. Ал. Д. Ушаков. Старица, 1907. 67 с.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова: в 4 т. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. Т. 1. 1562 стлб.; М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. Т. 3. 1424 стлб.

Шейн — Великоорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах: материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб.: Изд. Имп. Акад. наук, 1900. Т. 1. Вып. 2. 833 с.

Примечания

- ¹ О словаре модели мира, описанной с помощью ограниченного набора лексем, говорит Т. В. Цивьян, делая анализ семантемы *дом* на материале балканских загадок [Цивьян]; на материале русских и литовских погребальных причитаний такой анализ предпринят Л. Г. Невской [Невская].
- ² *Подворье* — *мест.* Двор при чьем-л. хозяйстве, при усадьбе (*Ефремова*).
- ³ *Веря* — *мест.* Столб, на который навешивается створка ворот (*Ефремова*).
- ⁴ *Подворотня* — доска для закладывания пространства, щели между воротами и землей (*Ефремова*).
- ⁵ Довольно много вариантов отмечено в вологодских текстах, записанных в разные годы в период 1841–2006 гг., а также в Глазове (бывш. Вятская губ.), Лузском и Мурашинском р-нах Кировской обл. (см.: [Крашенинникова, 2003: карта 5]).
- ⁶ *Хоромина* — *разг.-сниж.* Жилое строение больших размеров (*Ефремова*).
- ⁷ В словаре В. И. Даля *терем* — «поднятое, высокое жилое здание или часть его <...> замок боярский <...> дворец, барский дом, отель, жилище владельца внутри кремля и пр.; <...> терем связывался с хоромами просторными, теплыми сенями, для прислуги <...>. Ныне терем: вышка или чердачок, мезонин» (*Даль*, т. 4: 400).
- ⁸ *Златоверхий* — с золоченым верхом, крышами (*Ушаков*: 1, стлб. 1100); *прил. устар.* Имеющий позолоченный верх, купол и т. п. (*Ефремова*).
- ⁹ *Благодатный* — *книжн. устар.* Полный благ, довольства, счастья (*Ушаков*: 1, стлб. 147).
- ¹⁰ Мы не ставили своей целью представить количественные данные употребления тех или иных эпитетов, вместе с тем, здесь и ниже жирным курсивом выделяем часто встречающиеся, курсивом — отмеченные в одном-двух вариантах.
- ¹¹ *Приступок* — *разг.* Ступенька, подножка, небольшое возвышение, по к-рому всходят куда-н. (*Ушаков*: 3, стлб. 859).
- ¹² *Балясина* — *итал.* точеный столбик под поручни, перила, ограду, обнос (*Даль*, т. 1: 44).
- ¹³ *Борондук* — сруб, в который упирается лесенка крыльца у избы. Волог., 1883–1889 (*СРНГ*: 3, 115).
- ¹⁴ *Поворенка* — от *повор* <...> поворина, поперечная либо косая деревянная связь, укрепа между двух досок или брусьев (*Даль*, т. 3: 147).

- ¹⁵ О продуктивности формулы «трех ступеней» в свадебных жанрах (корильных песнях и припевках, причитаниях, заговорах) (см.: [Крашенинникова, 2009: 33]).
- ¹⁶ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/9992> (26.01.2021).
- ¹⁷ *Иголки* — дверные украшения, плотно врезанные в двери (*Виноградов*: 98).
- ¹⁸ *Поивушка, поивальница* — женщина, которую приглашали для оказания помощи роженице при родах и новорожденному (народная терминология Вилегодского р-на Архангельской обл.).
- ¹⁹ *Кутное окно* — окно около заднего угла избы, против которого обычно приходится устье печи. Милостыню чаще всего подают через кутное окно, так как оно ближе других к залавку, где сохраняется печеный хлеб (*Кузнецов*: 27).
- ²⁰ *Спасенка* — милостыня (*Кузнецов*: 27).
- ²¹ *Гашник* — ремень, веревочка, шнурок, тесьма для вздержки и завязки штанов (*Мыльникова, Цинциус*: 100).
- ²² Упоминание о сучьях отсылает к распространенному в севернорусской мифологической прозе мотиву «колдун наводит порчу на дружку», «запирая язык» последнему: произнесение колдуном заговора сопровождалось закрыванием в стене или на потолке места от сучка, вследствие чего дружка не мог читать приговоры, другими словами, вести обряд.
- ²³ Полатный брус в топографии дома представляет собой границу между внешней и внутренней частями дома; «предназначался для поддержания края полатей. В то же время он отделял дверной угол (подполотное пространство) от внутренней части дома» [Байбурин: 173].
- ²⁴ *Подсечь* — *перен.*, кого (что). Лишить силы, энергии, ослабить (Ожегов).
- ²⁵ *Косычатое* [окно] — окно в деревянном рубленом доме, с трех сторон его обрамляли несущие брусчатые косяки (*Словарь архитектурных терминов*).
- ²⁶ «*Куть*» — задняя лавка в избе (прим. автора ркп., см.: РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 664, л. 11, Макарьевский у. Нижегородской губ., 1899 г.).
- ²⁷ *Подокно?* — ср. кстр.-чх. красный угол в избе, где стоят иконы (*Даль*, т. 3: 192).
- ²⁸ «*Красное окошко*» — под образами (прим. автора ркп., см.: РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 664, л. 11, Макарьевский у. Нижегородской губ., 1899 г.).
- ²⁹ *Середа* — сев. вост. «бабья часть, <...> место перед печью, стряпанная и вся куть, отделенная перегородкой...» (*Даль*, т. 4: 176), место, которое находится в полном распоряжении хозяйки дома (*большухи*); вход чужого человека на середь расценивался как оскорбление хозяйки, середь среди женщин на середе значит нанести оскорбление целой деревне (*Русские крестьяне*: 28).
- ³⁰ *Полица* — полка для посуды, кухонной утвари, продуктов, для хранения различных домашних вещей и т. п. в кухне или жилой части избы, часто украшенная резьбой и расположенная вдоль всех стен избы над лавками (*СРНГ*: 29, 75).
- ³¹ *Грядка* — шест, жердь, перекладина (*спец.*) (*Ушаков*: 1, стлб. 633).

- ³² Устойчивость мотивов, связанных с асимметрией (хромота, кривизна, одноглазость и проч.), характерных для пересечения рубежа, отмечал С. Ю. Неклюдов, рассматривая семантику фольклорного мотива «о кривом оборотне» [Неклюдов].

Список литературы

1. Агапкина Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: ива, верба, ракета (род *Salix*) // Славянский альманах 2014. М.: Индрик, 2014. Вып. 1–2. С. 283–302.
2. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
4. Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры дружки: структурно-семантический, функциональный аспекты жанра: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Сыктывкар, 2003. 342 с.
5. Крашенинникова Ю. А. Персонажи в приговорах свадебных дружек: образы участников ритуала // Традиционная культура: научный альманах. 2006. Т. 7. № 3 (23). С. 23–31.
6. Крашенинникова Ю. А. Межжанровые связи в мифопоэтическом содержании фольклорных текстов (свадебные приговоры — заговоры) // Традиционная культура: научный альманах. 2009. Т. 10. № 1 (33). С. 29–39.
7. Крашенинникова Ю. А. Нормативы в поэтических текстах свадьбы (на примере свадебных приговоров) // Традиционная культура: научный альманах. 2018. Т. 19. № 4. С. 107–117.
8. Левкиевская Е. Е. Нищий // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 408–411.
9. Невская Л. Г. Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре // Балто-славянские исследования — 1981. М.: Наука, 1982. С. 106–120.
10. Неклюдов С. Ю. О кривом оборотне (к исследованию мифологической семантики фольклорного мотива) // Проблемы славянской этнографии. Л.: Наука, 1979. С. 133–141.
11. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. 340 с.
12. Толстая С. М. «Житие» растений и предметов // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 220–222.
13. Толстой Н. И. *Vita herbae et vita rei* в славянской народной традиции // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М.: Наука, 1994. С. 139–167.
14. Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Семиотика культуры. Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. Т. 10. С. 65–85.

15. Шиндин С. Г. Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М.: Наука, 1993. С. 108–128.

References

1. Agapkina T. A. Symbolism of Trees in the Traditional Culture of Slavs: Willow, Pussy-Willow, and Brittle-Willow (the Salix Genus). In: *Slavyanskiy al'manakh 2014 [Slavic Almanac 2014]*. Moscow, Indrik Publ., 2014, issue 1–2, pp. 283–302. (In Russ.)
2. Bayburin A. K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Dwelling in Rites and Representations of Eastern Slavs]*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2005. 224 p. (In Russ.)
3. Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]*. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996. 416 p. (In Russ.)
4. Krashennnikova Yu. A. *Svadebnye prigovory družki: strukturno-semanticheskiy, funktsional'nyy aspekty zhanra: dis. ... kand. filol. nauk [Wedding Speeches and Rhymes of a Groomsman: Structural and Semantic and Functional Aspects of Genre. PhD. philol. sci. diss.]*. Syktyvkar, 2003. 342 p. (In Russ.)
5. Krashennnikova Yu. A. Characters in the Speeches of a Wedding Groomsman: Images of the Participants of the Ritual. In: *Traditsionnaya kul'tura: nauchnyy al'manakh [Traditional Culture: The Scholarly Almanac]*, 2006, vol. 7, no. 3 (23), pp. 23–31. (In Russ.)
6. Krashennnikova Yu. A. Inter-genre Relations in the Mythopoeitic Content of Folklore Texts (Wedding Speeches — Spells). In: *Traditsionnaya kul'tura: nauchnyy al'manakh [Traditional Culture: The Scholarly Almanac]*, 2009, vol. 10, no. 1 (33), pp. 29–39. (In Russ.)
7. Krashennnikova Yu. A. Rules in Poetic Texts of a Wedding Ritual (on the Material of Wedding Speeches and Rhymes). In: *Traditsionnaya kul'tura: nauchnyy al'manakh [Traditional Culture: The Scholarly Almanac]*, 2018, vol. 19, no. 4, pp. 107–117. (In Russ.)
8. Levkievskaya E. E. Mendicant. In: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh [Slavic Antiquities. The Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004, vol. 3, pp. 408–411. (In Russ.)
9. Nevskaya L. G. Semantics of House and Related Understanding in Funeral Folklore. In: *Balto-slavyanskije issledovaniya–1981 [Balto-Slavic Studies–1981]*. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 106–120. (In Russ.)
10. Neklyudov S. Yu. About a Distorted Werewolf (to the Study of the Mythological Semantics of the Folklore Motif). In: *Problemy slavyanskoj etnografii [Problems of Slavic Ethnography]*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 133–141. (In Russ.)
11. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Historical Roots of the Magic Fairy Tale]*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1946. 340 p. (In Russ.)

12. Tolstaya S. M. "Life" of Plants and Objects. In: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh* [Slavic Antiquities. The Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, vol. 2, pp. 220–222. (In Russ.)
13. Tolstoy N. I. Vita herbae et vita rei in the Slavic Folk Tradition. In: *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Verovaniya. Tekst. Ritual* [Slavic and Balkan Folklore: Beliefs, Text, Ritual]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 139–167. (In Russ.)
14. Tsvi'yan T. V. House in the Folklore Model of the World (on the Material of Balkan Riddles). In: *Semiotika kul'tury. Trudy po znakovym sistemam* [Semiotics of Culture. Sign Systems Studies]. Tartu, 1978, vol. 10, pp. 65–85. (In Russ.)
15. Shindin S. G. Spatial Organization of the Russian Incantational Universe: the Image of the Center of the World. In: *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoj dukhovnoy kul'tury. Zagovor* [Research in Balto-Slavic Spiritual Culture. Incantation]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 108–128. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Крашенинникова Юлия Андреевна, *Yulia A. Krasheninnikova*, PhD (Филологический факультет, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая сектором фольклора, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (ул. Коммунистическая, 26, г. Сыктывкар, Российская Федерация, 167982); ORCID: 0000-0002-2045-4486; e-mail: krasheninnikova@rambler.ru.

Yulia A. Krasheninnikova, PhD (Philology), Lead Researcher, Head of Folklore Department, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center of the Russian Academy of Sciences (ul. Kommunisticheskaya 26, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2045-4486; e-mail: krasheninnikova@rambler.ru.

Поступила в редакцию / Received 27.03.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.08.2021

Принята к публикации / Accepted 19.09.2021

Дата публикации / Date of publication 30.09.2021